

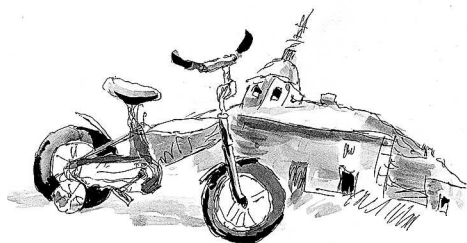
ДАЧНИКИ

ДАЧНИКИ

ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ,
ЛЕТНИЕ РОМАНЫ И КОМАРЫ —
В РАССКАЗАХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д21

Составители ЕЛЕНА ШУБИНА, АЛЛА ШЛЫКОВА

Художественное оформление АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении книги использована картина А.М.ГЕРАСИМОВА
“Полдень. Тёплый дождь. 1939” / УПРАВИС, 2026

Книга иллюстрирована графикой САШИ НИКОЛАЕНКО

Д21 Дачники. Любовь, дружба, семейные тайны, летние романы и комары — в рассказах современных писателей / Сост. Е.ШУБИНА, А.ШЛЫКОВА. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 397, [3] с.: ил. — (Москва: место встречи).

ISBN 978-5-17-186067-7

Любовь, дружба, семейные тайны, летние романы и комары — в рассказах современных писателей. “Книга, которую вы держите в руках, — вся посвящена даче. Как месту, как явлению, как точке отсчета и мерилу всего. Это место, где литература встречается с жизнью. Желаю вам читать её в гамаке, под старой шершавой яблоней, под стрекот косилки и детские крики, и пусть пахнет смородиновым листом, только что политыми флоксами и бессмертием. Мы всё это заслужили”. (Марина Степнова)

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186067-7

- © Варламов А.Н., Кучерская М.А., Матвеева А.А., Юзефович Л.А., Шаргунов С.А. и др.
- © Николаенко А.В., иллюстрации.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление.
- © ООО “Издательство АСТ”.

Содержание

Марина Степнова. ПРЕДИСЛОВИЕ	9
АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ. Как ловить рыбу удочкой	11
ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ. Третья веранда	27
МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ. Заольшьё	39
ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ. Излучистая, лучистая	55
СЕРГЕЙ НОСОВ. Аутентичность	67
ЯНА ВЕРЗУН. Три ведра смородины	113
ЕЛЕНА ХОЛМОГорова. От Устья к истоку	121
ДАРЬЯ БЕГЛОВА. “Дай встать на цыпочки в твоём лесу...”	135
ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ. Красная смородина	141
ДАРЬЯ БОБЫЛЁВА. Уединённости	165
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН. Жестяной самолёт	205
Ася Володина. Ещё цветочки	233
ГАЛИНА КАЛИНКИНА. Запах памяти	257
АНДРЕЙ НИКОНОРОВ. Фон	281
ЕЛЕНА КОЛИНА. Девочка на даче	293
ИВАН ЦЫБИН. Я — из Коктебля!	309
МАРИНА МОСКВИНА. Память дерева	337
АННА МАТВЕЕВА. Участки	357
ЕЛЕНА ЛЕВИНА. Они были молоды... Они были талантливы... ..	373
СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ. Ёлочка	387
ОБ АВТОРАХ	395

*На даче спят. В саду, до пят
Подветренном, кипят лохмотья.
Как флот в трёхъярусном полёте,
Деревьев паруса кипят.
Лопатами, как в листопад,
Гребут берёзы и осины.
На даче спят, укрывши спину,
Как только в раннем детстве спят.*

БОРИС ПАСТЕРНАК

Марина Степнова

Позволю себе сказать крамольное — русская литература вышла не из гоголевской “Шинели”, а из русской усадьбы. Город наводит на русскую литературу трансцендентный ужас, а всё лучшее в любимых текстах (от “Бедной Лизы” до набоковской “Ады”) родилось в заброшенных беседках барских садов, на скрипучих верандах, на тропинках, заблудившихся среди полей, и на подоконнике, с которого мечтала улететь Наташа Ростова. Не было бы усадеб, не было бы и русской литературы и мир был бы печальнее во сто крат.

Когда история смахнула усадьбы со стола современности, русская литература, поразмыслив, переехала на дачу. Оказалось — к лучшему, потому что остались и сады, и цветники, и речка с пескάρями, и заросший пруд, и дружелюбные собаки, и непонимающие взрослые, и сбивчивые объяснения при полной луне. Но прибавились новые герои — заборы, заборные соседи, электрички и медные тазы с клубничным вареньем. Дача вместила всё — и первую любовь, и первые драмы, и дружбы, и вражды, и долгий жизненный цикл героев, начинающийся с эмалированного дуршлага собранной бабушкой клубники и заканчивающийся посадкой той же самой клубники для собственных внуков. Путь, включающий в себя и подростковое отрицание дачи как таковой, и взрослое пропалывание грядок,

и рассаду на подоконниках, и шашлыки на выходных, и жизнь, и любовь, и смерть среди ароматной помидорной ботвы.

Дача — это всегда лето, даже когда зима. Дача — это всегда радость, даже если разрывается сердце. Дача — это всегда Россия, даже если это *dacha* Андреа Бочелли на тосканских холмах. *Dacha* не нуждается в переводе, но по-прежнему нуждается в осмыслении и читательской любви.

Книга, которую вы держите в руках, — вся посвящена даче. Как месту, как явлению, как точке отсчёта и мерилу всего. Это место, где литература встречается с жизнью и становится обыкновенным чудом. Желаю вам читать её в гамаке, под старой шершавой яблоней, под стрекот косилки и радостные детские крики, и пусть пахнет смородиновым листом, огуречными жопками, только что политыми флоксами и бессмертием.

Мы все это заслужили.

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ

Как ловить рыбу удочкой

В отрочестве, когда я только начал проявлять интерес к женскому полу, мне попалось в одном из разукрашенных цветами девичьих песенников под портретом Софии Ротару такое изречение: “В любви как на рыбалке: не клюёт — сматывай удочки”. Эта мудрость меня рассмешила — на воде выросший, обученный рыбачить дедом, я хорошо знал, что, если не клюёт, надо прикармливать место, снасть, менять насадку, ждать, надеяться на случай, на перемену погоды, но только не отступать. Рыболовом я был удачливым и ожидал такого же везения в делах сердечных, однако, когда мне случилось впервые полюбить, судьба насмешливо разбила мой апломб.

А дело происходило на даче, в моё последнее школьное лето, и предметом моих мечтаний была спокойная, рассудительная, лениво дремлющая барышня в красном сарафане на тонких тесёмках, не скрывавших её нежные, вечно обожжённые солнцем плечи. Звали её Аней, она была меня на год моложе, но всегда казалась мне взрослее, и эта её взрослость только подхлёстывала мой интерес, дальше которого, правда, ничего и не шло.

Мы проводили с Аней все дни напролёт, ездили купаться на карьер, ходили в лес за черникой и сыроежками, а по вечерам смотрели комедии шестидесятых годов в железнодорожном вагоне-клубе. После я провожал её и засиживался на террасе под огромным, с бахромой абажуром, вокруг которого летали ночные бабочки. Аня жила на даче с бабушкой, глуховатой чудесной старушкой, которая ложилась спать в половине одиннадцатого, прослушав по включён-

ному на полную мощность радио последние известия. Уходя, Ксения Фёдоровна всякий раз внимательно смотрела на нас, качала головой, но говорить ничего не говорила.

Мы сидели в плетёных креслах на террасе и пили чай с мятой. На террасе было полным-полно ящичков с яблоками, огурцами и помидорами, кабачки, патиссоны, банки с вареньем и маринадами. Мы пробовали варенье из разных банок и решали, какое отдать Ане и её маме, а какое достанется прочим родственникам. Придавая лицу таинственное и задумчивое выражение, мы курили с важным видом наши первые сигареты, с важностью выпуская дым через вытянутые трубочкой губы и поминутно стряхивая пепел. И я был влюблён в эти тёплые ночи, в Анину бабушку, в террасу, в бесшумных бабочек, в сигаретный дым, в Аню — мне было так хорошо, что я и сам этого не понимал. Потом светало, становилось зябко, у Ани начинали слипаться глаза — я поднимался, выходил на улицу и опасливо глядел в сизую предрассветную мглу: по ночам на участках бегала сторожевая овчарка Найда. Но идти мне было совсем недалеко: до конца улицы, немного по нижней дороге — и вот я дома.

Я спал до полудня, торопливо завтракал, стараясь не замечать подчёркнутой отстранённости моего интеллигентного деда, осуждавшего меня за безделье, шёл к Ане, и начинался наш новый день с купанием, томлением на песчаном пляже, вечерним фильмом и лёгкой ночной болтовнёй. И я думать не думал, что однажды это всё куда-то денется.

А кончилось всё по моей же глупости. В середине августа на дачу приехал мой старый приятель Артур. Он был меня тремя годами старше, и я во всём чувствовал его превосходство, во всём, кроме рыбной ловли, которой мы оба были фанатично преданы. Артур считал себя великим теоретиком по этой части, в детстве его настольной книгой была потрёпанная довоенная брошюра под названием “Как ловить рыбу удочкой”, и из неё мой товарищ черпал пора-

зительные сведения, навроде того, что леску правильно называть лесой, а закидушку донной удочкой, что рябь на поверхности водоёма улучшает клёв, а удильщик, стоящий в воде босыми ногами, поймает больше, чем сосед, ловящий в сапогах. Исходя из этого, бедняга лез в самую холодную воду, мучил червей, насаживая их как требовала книжка, радовался захлёстывающей поплавок волне, но почти всякий раз я его облавливал, что, впрочем, не мешало ему находить себя более опытным рыболовом и поучать меня, когда и как надо правильно подсекать в противоположную от погружения поплавок сторону.

Правда, не рыбачили мы с ним давно. Он с тех пор, как поступил в институт, на даче не появлялся, а я был до такой степени увлечён Аней, что даже рябь на поверхности нашего карьера не будила во мне никаких чувств. И вот теперь, обрадованный его приездом, я простодушно рассказал другу детства об Ане, которую он помнил толстой капризной девчонкой. Он как-то скривился, проворчал, что лучше бы пошли на зорьке поспиннинговать судачков, у которых нынче самый жор, но я, дурак, был непреклонен, и в тот вечер мы сидели на террасе втроём. Было оживлённо, Аня, неуловимо изменившаяся и похорошевшая, прогнала скуку с его лица, Артур рассказывал про университет, тут и там мелькали манящие слова — сессия, коллоквиум, пара, зачёт, — мы слушали, раскрыв рот, а он между тем ухитрился съесть почти целиком литровую банку золотистого крыжовенного варенья. Потом он облизнулся, довольно откинулся на спинку стула, похлопал себя по намечающемуся брюшку и, плотоядно поглядев на Аню, предложил ей погадать по линиям на ладони. Аня тотчас же согласилась, и её маленькая ладошка очутилась в его руке. Он держал её, поворачивая, поглаживая и разглядывая со всех сторон, и нёс какую-то околесицу про бугор Венеры, а я смотрел, не отрываясь, на Аню и подмечал в её глазах новое выражение.